

ХЛОЯ. Как я умирала

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Таня Ждан

Таня Ждан

Хлоя. Как я умирала

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64053318

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-96337-5

Аннотация

Вы когда-нибудь задумывались о том, что, проснувшись однажды утром, обнаружите, что вы – бессмертны? Что вдруг эфемерная мечта миллионов станет для вас реальностью? Что вы сделаете со своим даром? Попытаетесь ли измениться сами, изменить этот мир или продолжите наслаждаться жизнью? Станет ли для вас это даром или проклятием?

У героини этой книги есть все и даже больше. Точнее, было... Любящий и верный муж, успешная карьера, шикарный дом, с десяток преданных друзей, здоровые и счастливые родители. А еще у нее была достаточно заурядная жизнь, как и у миллионов других простых смертных. Но лишь один неосторожный шаг, и все, чем она была, разрушилось как карточный домик. Сможет ли она адаптироваться в этой новой реальности, сумеет ли снова найти себя и свою роль в этом мире и стать частью чего-то большего? Научится ли быть бессмертной?

Это книга о любви, верности и дружбе, о неустанном поиске и разочарованиях, о тяжелом выборе и о несбыточной мечте.

Первая часть трилогии «Хлоя».

Таня Ждан

Хлоя. Как я умирала

Пролог

Раньше мне казалось, что хуже разбитых мечтаний и надежд может быть только ожидание их крушения. Когда в уме ты просчитываешь миллиард негативных вариантов, изводя свою психику, и практически лишаешься рассудка. Когда кажется, что мозг работает на пределе, но все равно предчувствие фиаско тебя не покидает ни на секунду. Так вот ни черта подобного. Хлеще всего, когда даже и предположить себе не мог провала, когда ты сделал все, чтобы его вероятность была сведена практически к нулю... И тебя как ведром ледяной воды окатили вариантом в тысячи раз хуже, чем и представить себе можно в самых страшных кошмарах.

Я убью эту мразь. И его я тоже прикончу. Ах ж ж черт... Я даже этого не могу. Меня всего лишили в один злосчастный день. Ну ладно, в два. Может больше, я не знаю уже теперь – где конкретно я допустила настолько фатальную ошибку, что сейчас сижу в этом засаленном баре и испытываю только одно желание – напиться так, чтобы забыться минимум дня на три. Чтобы боль от жесточайшего похмелья хотя бы на пару часов перекрыла эту адскую ломку от ощущения того, что человек, за которого я как за соломинку хваталась тогда, когда все вокруг рушилось, когда, я уверена, ломались самые

сильные духом, когда не было видно и намек на свет в крошечной тьме, вот так просто тебя предал... Когда каждый день я не ждала, что наконец покину этот мир и настанет конец всем этим бесконечным пыткам. Я выгадывала момент, когда уложу всех на лопатки и под фейерверки свалю из этой дыры. И все впустую. Все, чего я добилась – это нож в спину.

Кто я теперь? Эй, привет, я – Хлоя и я бессмертна. А еще меня пытали больше полугода, я сбежала, узнала, что я еще и какой—то недоделанный супергерой. Ах да, забыла упомянуть, еще меня огрели по голове замечательной новостью: мой муж мне изменял, пока я гнила в мерзком подzemелье, к семье мне путь теперь заказан, за такими, как я, охотится ненормальный психопат с мировым влиянием, и все, что мне остается – это эфемерная мечта миллионов. Неуязвимость, нечеловеческие способности и долгие, долгие годы в одиночестве. Ничего из этого я не просила, у меня все было, хотя всю жизнь преследовало чувство, что мне этого мало. Только теперь я с горечью осознаю, что этого было более, чем достаточно...

– И кого ты хочешь напугать своей зубочисткой? Отвали от меня, на правду не обижаются, – от самобичевания меня отвлекла перепалка каких—то пьяных парней в паре метров от меня. В руках здорового бугая блестел внушительных размеров нож, но его оппонента, кажется, это ни разу не пугало.

– Ребята, хотите поубивать друг друга – выйдите из ба-

ра, не мешайте другим упиваться замечательным вечером, – угрюмо буркнула я им.

Я уже порядком устала от окружающего меня водоворота безумных событий, можно мне хоть чуть–чуть спокойствия?

– Не лезь не в свое дело, сука, – прорычал бугай. Ох зря, очень зря он нарывается на злую и нетрезвую женщину.

– Куколка, правда, не встрейай, своим перышком он может навредить разве что своему чрезмерно раздутому эго, – промурлыкал второй.

– Ну конечно, что ты можешь противопоставить этому громиле с ножом. Щелкнуть по роже своим щуплым кулачком?

– Ты меня недооцениваешь, красотка, – худощавый брюнет, одетый в потасканную кожаную куртку, драные джинсы, выдавшие лучшую жизнь, черные конверсы и серую футболку, что—то прошептал на ухо бугаю и тот, хмыкнув, к моему удивлению, свалил. – Меня, кстати, Дерек зовут.

– А меня зовут «я не ищу знакомств с самоуверенными алкашами».

– Ой, да ладно, сама уже вторую бутылку допиваешь, а до сих пор ни в одном глазу. Сдается мне, есть у тебя что—то общее с самоуверенными алкашами, – Дерек определенно был в лучшем расположении духа, чем я, и подсел на соседний стул. Но на душевную беседу я была не настроена абсолютно. – Рассказывай.

– Что прости? Тебе больше заняться нечем, кроме как следить за тем, сколько я выпила? – по моему тону уже надо было понять, что от получения знатного леща его отделяет буквально пара секунд.

– Ну ты сидишь тут одна, в баре, в далеко не самом благополучном районе, напиваешься в хлам. Думаю, тебе есть, что рассказать человеку, которого ты больше никогда не увидишь, раз две бутылки скотча не смогли унять твою тоску. Так что, рассказывай, я никуда не тороплюсь.

От моих историй у тебя крыша поедет, дружок. Я и начать не успею, как ты вызовешь санитаров. Но с чего же начать... Насколько глупым и обиденным все казалось тогда, настолько же больно, раскаленным железом по застарелой ране, это убивает теперь...

Глава 1

– А Джойсы не могут оставить Генри у бабушки? – с явно преувеличенной драмой в голосе прокричал мне Ник из гостиной.

– Ты же сам знаешь, что нет. Чем ты слушал, когда они наперебой возмущались ее незапланированным отпуском как раз тогда, когда у них обоих аврал на работе? И им придется сломя голову нестись на другой конец города, чтобы забрать мальчика из детского сада? Чертова молния... Застегнешь?

Я подошла к Нику, оставив свои жалкие попытки справиться с этим платьем. Вот уже вторую неделю мы ломали голову над тем, как спланировать нашу годовщину таким об-

разом, чтобы наш дом после этого остался пригодным для жизни, и не было проще его просто сжечь к чертовой матери. Как—то мы упустили тот момент, когда все наши друзья, даже самые отбитые и безнадежные холостяки мало того, что переженились, так еще и массово обзавелись детьми. Некоторые просто сразили всех наповал, когда, перебрав за пару—тройку лет с десятков партнеров (зачастую это были личности, над которыми втихаря и не очень ржала и подтрунивала вся остальная компания), они не придумали ничего лучше, чем переспать друг с другом... И, конечно же, сразу Лин забеременела. Двойней. Комбо. А в Майке в кой—то веки проснулся величайшей души джентльмен, который «Ну как же я могу бросить своего братана в такой ситуации и отправить ее на аборт!». И ничего лучше, чем остановить свои тщетные поиски любви всей жизни, сыграть свадьбу и свалить в медовый месяц в Гоа они не придумали.

Сказать, что все были в шоке — ничего не сказать. Но ничего, все смирились. Но не с тем, что половина детей ну никак не ладила друг с другом. Особенно отличался Генри, маленький альфа—самец среди всех отпрысков, который, будучи самым старшим, решил пережить пубертат, переходный возраст и кризис пятилетки сразу и имел в арсенале только два настроения: дубасить и доводить до истерики всех без разбора или манипулировать малышами, подбивая их на неведомую фигню и бесчисленные разрушения. Благодаря его безупречному характеру идея с рестораном была отмечена прак-

тически сразу же – мы не просидели бы там и получаса, не получив внушительный счет за погром. Как такая милая и добродушная пара, как Эми и Адам, умудрилась произвести на свет такое исчадье ада, никто и ума приложить не мог. Был всего один раз, который заставил Эми краснеть за своего благоверного, когда тот, наэскпериментировавшись с текилой, за два часа разрушил весь наш лагерь в кемпинге – сломал мангал, разбил кальян, порвал тапки и футболку Алекса, разбил телефон, сломал елку и справил нужду на соседнюю палатку. Но все это не шло ни в какие сравнения с «мелкими шалостями» их чудесного отпрыска. Благо, они решили пока остановиться на одном продолжении своей четы. Шутки про ребенка «от соседа» и про одержимость дьяволом давно поросли бородой и перестали быть смешными.

Как пережить апокалипсис в виде десятерых взрослых и шестерых детей в доме, где никто и никогда не задумывался над безопасностью нахождения там лиц младше семи лет, и нет ни одной игрушки, способной отвлечь их от разрушений, идей не было никаких.

– Весь вечер я смотрел на самую шикарную женщину в ресторане и никого не слушал, – страстно шепнул мне в ухо Ник, нарочито медленно застегивая злосчастную молнию моего синего платья—футляр.

– Эй, мы, и так, уже всюду опоздали, давай оставим это до возвращения домой, – вырвавшись из похотливых объятий, промурлыкала я. Хотя четкое осознание, что вечер кончится

слезами двойняшек и жаркими спорами о воспитании среди наших друзей, оставив всех в далеко не приподнятом настроении, говорило о том, что мы завалимся в спальню совершенно обессиленными и недееспособными.

— Я запомнил. Не отвертись, — твердо заявил Ник, зашнуровывая кеды.

Надо отдать должное нашему бездетному существованию — мы совсем не состарились и не обзавелись нервным тиком со времен нашего знакомства шесть лет назад, в отличие от своих друзей. Обеспокоенность на их лицах и «взрослый» стиль в одежде четко отпечатывали на их лицах клеймо «родители». Мы же в свои почти тридцать по—прежнему выглядели, как влюбленные безбашенные студенты, способные в любое время дня и ночи сорваться в бар, клуб или отпуск в горы.

Но все это, хоть и было порой поводом для тихой зависти близких и коллег, уже порядком приелось в этой атмосфере всепоглощающего счастья от наличия потомства. Проще было бы тупо найти новых, свободных от памперсов и детских садов друзей, и оставить свои безуспешные попытки угнаться за их бесконечным размножением...

Мы старались уже два года, не жалея ни сил, ни времени, ни денег. Никаких отклонений у нас не нашел ни один врач из восьми, у которых мы побывали за все это время. Мы абсолютно здоровы, даже более, чем обычно бывает к тридцати годам плюс—минус. Периодически мы плевали на эту затею

и просто жили, наслаждаясь друг другом. Но каждая встреча с друзьями и их детьми непременно ввергала в уныние, не говоря уже о постоянных напоминаниях родителей и их неприкрытых навязчивых намеках, что и нам бы пора утнуть по локоть в детских какашках.

– Эй, я знаю о чем ты думаешь, выше нос, – увидев мое задумчивое выражение лица, бросил мне Ник на пути к заждавшемуся нас такси.

– Я просто предвкушаю очередную драку этих мелких чертят, не беспокойся, – улыбнулась я.

Глава 2

– И вы представляете, никто из воспитателей не может найти управы на эту мерзкую девчонку! Родители не имеют права выпускать таких асоциальных личностей из дома, – негодовала Лея. Всю компанию, собравшуюся на день рождения Эми в ресторане в центре города, уже порядком утомили ее бесконечные рассказы о девочке, которая дралась с каждым движущимся существом в детском саду, который посещала их дочь Софи.

– Однако Джойсов это ни разу не остановило, – решил перевести тему Майк. Вся тайная вечере залилась смехом: Эми и Адам уже давно смирились, что их сын Генри стал поводом уместных и не очень шуточек со стороны их друзей.

– Напомни мне удалить твой номер, – саркастично ответил Адам. – А то боюсь получить оплеуху от своего сына за такие колкости. Генри, отцепись от официанта, он сходит на

кухню за заказом и снова будет в твоём распоряжении! И нет, тебе туда нельзя.

И Адам убежал в очередной раз объяснять этому дьяволу минимальные нормы морали. У Генри была своя задача в этот вечер: преследовать официанта от столика к столу и притворяться его стажёром. И это было даже на радость всем остальным: во всяком случае, он не бил двойняшек или не заставлял их поджечь скатерти от свечей, так опрометчиво расставленных на каждом из столиков. О том, радовался ли бедняга—официант такому напарнику, никто не думал. В этом ресторане, кажется, даже у шеф—повара начинал дергаться глаз, когда наша честная компания заваливалась в заведение. И, если Генри не пытался сломать столик, залезть на барную стойку или разжечь костер – они были согласны на все.

– А почему Тина и Алекс не пришли? – непринуждённо спросила я, тут же получив от Лин пинок под столом.

– Эммм, семейные проблемы, не сошлись в вопросах воспитания. Ты не виновата, что не в курсе, не кори себя, – приторно улыбнулась Лея.

Сука. Я—то давно знаю, что Тина и Алекс второй год находятся на грани развода на фоне тотальных неудач супруга в бизнесе и умопомрачительного продвижения по карьерной лестнице Тины. Просто до сегодняшнего дня это не было поводом для непосещения общих праздников. Но давай, заводь свою вечную песню про то, какие мы с Ником ущербные,

что мы ровным счетом ничего не понимаем в этой жизни, потому что до сих пор не погрязли в ссорах по поводу того, кто везет детей в сад, кто забирает, кто сидит с ними, пока другой работает или развлекается с друзьями. Что мы такие негодяи, раз можем не думать о том, как будем выглядеть, придя на родительский комитет одетыми не по выдуманному ею самой дресс-коду, можем сорваться и уехать в отпуск, не прочитав миллиард отзывов таких же озабоченных мамок по поводу наличия только трех качелей для детей на территории отеля.

Никто из друзей не знал о том, что у нас тоже была своя больная тема. Для них это были конфликты в детских садах, для нас – вечный конфликт с нашим собственным организмом. Но мы никому не позволяли повязнуть в этом дерьме и уж тем более – упрекнуть за незнание...

– Пойдем, закажем коктейли на баре, – шепнул мне на ухо Ник, видя молнии в моих глазах.

– Напомни мне вылить этот коктейль Лее на голову, – сказала я ему по пути к бару, сквозь смех одёргивая его руку со своей задницы.

Ник – пожалуй лучшее, что со мной случилось в этой жизни. Он всегда читал меня как открытую книгу, умел разве-селить, отвлечь, остановить надвигающуюся катастрофу, когда я сама была неспособна держать себя в руках, умел сделать так, чтобы все, о чем я думала в минуты слепой ярости – это его горячие руки на моей коже. Этот чертовски хариз-

матичный высокий и симпатичный повеса с волосами цвета нефiltroванного пива и телосложением скандинавских викингов вскружил мне голову в первые минуты нашего знакомства в караоке—баре, не оставив ни одному мужчине на этой планете ни малейшего шанса. В его синих, как ночное небо, глазах я видела весь смысл, что не знала прежде. Мы оба были не идеальны, оба — со своим небезупречным прошлым, но оба — открытые этому миру... И друг другу. С первой минуты.

Наша любовь накрыла нас обоих как цунами, в эйфории поглотив всех вокруг. Пусть это бесконечно отрицают все наши друзья, но только после того, как они поверили в нашу сказку и искренние чувства и отгуляли на самой сумасшедшей свадьбе спустя десять месяцев после нашего знакомства, они начали заводить потомство, которым так кичились перед нами. Мы повидали сотни ссор и расставаний наших друзей, из—за нашей политики «невмешательства и не осуждения» мы знали о каждом из них даже больше, чем положено и дозволено знать какому—то третьему лицу. С каждой неурядицей, недомолвкой и даже изменой они приползали к нам, побитые жизнью, обессиленные и ненавидящие себя самих. А уходили — воодушевленные и готовые идти дальше. Возможно поэтому, когда кто—то из них начинал как нашкодивших котят тыкать нас носом в нашу неполноценность, меня это раскаляло до предела. И если бы не мой идеальный муж, я давно бы уже вывалила на них все дерьмо,

в которое они нас посвятили.

– Мне кажется «Вижн» забыл, как выглядят настоящие танцы таракана, – непринуждённо сказал мне Ник, потягивая Джин—тоник на баре. Когда—нибудь он забудет мои жалкие попытки показать, кто тут главный танцор диско в этом ночном клубе, или это – мой крест на всю жизнь?

– Ха—ха—ха, Ник, ты серьёзно? Мы позволим себе уйти первыми в кой—то веки?

– А почему нет? Не все же им жаловаться на режим покоя и сна своих драгоценных отпрысков, что непременно уже началось, пока беспечные и безответственные личности прохлаждаются на баре.

– А знаешь, я давно не отбивала тебя от банды подвыпивших студенток, погнали, – на этот раз уже Ник поперхнулся своим коктейлем и рассмеялся.

Спонтанность – наше второе имя. Как и буря в стакане воды, что мне с завидным постоянством устраивал Ник. Этот вечер не стал исключением.

– Хлоя, какого черта ты там устроила? – Николас рвал и метал, стоило нам переступить порог дома.

– Нииик... Ну он же совсем один в этом городе, он видел мои кольца, никто не переходил границы, – надо сказать честно – язык у меня заплетался как у лектора, отведшего у нерадивых студентов шесть пар подряд, пальцы наотрез отказывались слушаться и справляться с застёжкой босоножек. Хоть в обуви спать ложись.

– А я тебе скажу, как было: ты ворковала с каким—то малолеткой, стоило мне упустить тебя из виду. И ты такими видишь счастливые и ответственные семейные отношения? Стоит мне отвернуться – ты уже окучиваешь какого—то француза? – бросил мне Ник, поднимаясь по стеклянной лестнице в спальню, по пути нервно щелкая пуговицами своей белой рубашки.

Ненавижу, когда он вот так меня отчитывает.

– Ты себя вообще слышишь? Человек – один в этой стране, английский знает на уровне начальной школы. Все наше общение ограничилось тем, что я пыталась объяснить, какие коктейли, как называются. Ну и немного о нашем городе, из—за чего истерика то? Ты же знаешь, что я уже заполучила главного красавчика на этой планете и «окучивать какого—то француза» нет никакого резона – главный приз уже вот – вот будет в моей постели, – мои попытки погасить ссору были действительно жалкими.

– Ой, ну вот не начинай пожалуйста, ложись спать. Твоя общительность и человеколюбие меня до ручки доведут, – с неприкрытой злобой и почти такой же пьяной усталостью сказал Ник, укладываясь в постель.

Надо отдать нашим отношениям должное, но те редкие ссоры, которые у нас случались, практически всегда были на фоне неоправданной ревности моего мужа ко всему, что имеет подобие мужчины. Я же не видела ровно никакой разницы, все гендерные различия стерлись с его появлением в

моей жизни: другие существа мужского пола перестали для меня иметь какую—либо значимость как объекты симпатии. Я люблю людей и всегда готова прийти на помощь страждущим, неважно какого пола они были и какие на меня имели виды. Из—за чего довольно часто получала нагоняя от Ника.

Сил упрямиться не было никаких – спать действительно хотелось адски, хоть я еще и надеялась развести супруга на старые добрые кувыркания после ссоры: что может быть лучше, особенно, когда вы оба навеселе? На самом деле, развалившись в постели, я даже не могу сказать, что я была пьяна. Скорее просто устала... Но на Ника—то у меня силы всегда найдутся.

Но у жизни на всех свои планы, а в планах Ника, судя по всему, было обнять меня во сне, простив мою человечность.

Глава 3

– Мам, ты уверена? – я не могла поверить своему счастью.

За пару дней до дня икс – дня празднования нашей годовщины с нашими друзьями, намеченного на субботу, мы праздновали настоящую календарную годовщину в ресторане с нашей семьей.

Весна выдалась безумно теплой, позволив нам насладиться потрясающей атмосферой летней террасы. Деревья на ее территории были увешаны десятками крупных лампочек, сияющих лунным светом, что идеально сочеталось со скандинавским стилем оформления площадки. Теплый влажный воздух, прогретый за день жарким солнцем, был наполнен

ароматами цветущих крокусов, вишни и азалии. Вперемешку с ароматами блюд, щедро расставленных на нашем столе, создавалось невероятное сочетание. Все—таки, сыграть свадьбу весной было прекрасной идеей. В этой безмятежности я даже стала забывать о том, что вопрос с празднованием годовщины вместе с нашими друзьями навис над нами как Дамоклов меч. Даже не могу вспомнить, как разговор постепенно перетек к обсуждению наших планов на субботу, когда я, конечно, не могла не поделиться своими переживаниями по поводу надвигающегося апокалипсиса. И своими сетованиями по поводу фирм, в которых я хотела заказать проверенных аниматоров для детей дабы минимизировать потери: все до единой оказались заняты на месяц вперед. Но моя мама выдала гениальную идею – забрать всех детей к себе.

– Конечно, родная! Я пережила взросление и переходный возраст тебя и твоих двух братьев, неужели я не способна справиться с пятью малышами? – ее лицо было непроницаемо.

– Мам, их будет шестеро. Все бабушки и дедушки заняты, няни, как на зло, именно в этот выходной тоже.

– Одним больше – одним меньше. Тем более, я уверена, Кэрол с радостью составит мне компанию, лишний повод обсудить наших никудышных деток, – она сделала вид, что задает вопрос, хотя на самом деле не оставила маме Ника места для маневра.

– Конечно! Может, кто—то из мам ваших друзей захочет

присоединиться? Устроим мамскую вечеринку, Кади, – кажется, Кэрол тоже сошла с ума. Или это был сарказм?

– Нууу... Давай я попробую подкинуть эту идею парням – что—то мне подсказывает, что они сумеют утихомирить в своих женах комплекс беспокойной матери, – Ник пытался говорить максимально отчужденно, но я—то знаю – в душе он ликовал и танцевал ламбаду.

И на мое удивление – все воодушевились этой безумной идеей. Не знаю, повлияло ли на них безмерное уважение к нашим родителям, воспитавшим таких потрясающих людей, как мы с Ником, или они увидели свет в конце тоннеля, в виде возможности на несколько часов забыться и оторваться на вечеринке... А когда мама скинула фотографию, на которой дети в полном составе с упоением играли с железной дорогой, оставшейся от моих братьев и ждавшей своего часа на чердаке, и вовсе потеряли счет времени.

Вечер прошел на ура. Темы родительства и детских садов не поднимались каждые пятнадцать минут, а тосты о наших будущих детях и вовсе перестали звучать под конец. Мы переиграли во все настольные игры, бывшие под запретом по причине наличия мелких деталей, от души посмеялись над былыми приключениями и клянусь, еще немного, и сорвались бы в клуб всей компанией, как пришла смс от мамы – малыши хотели спать.

– Лин, ты же не против, если я останусь еще ненадолго? Обещаю быть дома к полуночи. К часу максимум, – умоля-

юще вопрошал Майк.

– Ой и я. Не могу оставить эту замечательную бутылку виски без моего присмотра. Согласен с условиями Майка, – прибавился еще один страждущий в лице Кларка.

– Хорошо, но завтра ты сидишь с детьми, пока я болтаюсь по магазинам, – вот от такого тирана, как Лея, услышать согласие – было верхом моего понимания. Тем более, весь вечер она даже не вела себя как сука, так что лимит ее снисходительности и без того был явно исчерпан. Никогда не перестану удивляться этому загадочному миру.

– Отличная идея, пожалуй, завтра я составлю тебе компанию. Развлекайся, любимый, – Лин чмокнула Майка в щеку и вместе с остальными друзьями, видимо не готовыми к таким резким переменам в режиме, отправилась домой. Эми и Адам не в счет – они всегда были за любой кипиш, однако бомба замедленного действия в виде их замечательного сына, который и так вел себя подозрительно хорошо, диктовала свои правила.

Стоило дверям закрыться, как вечеринка перетекла в совершенно другое русло. Парни ушли в отрыв, за час опустошив практически все купленные запасы виски. Двусмысленные шуточки звучали все чаще, а связная речь – все реже. Я уже готова была оставить друзей в чисто мужской компании, как на полпути из гостиной меня окрикнул Кларк. Этот очкастый блондин всегда умел поставить меня в неловкое положение:

– Хлоя, вот скажи мне пожалуйста – что вас, женщин, не устраивает в ваших мужьях? – увидев недоумение в моих глазах продолжил. – Когда конкретно наступает тот момент, что вы начинаете изменять?

– Ты к чему клонишь? – кажется, Ник мгновенно протрезвел.

– Дружище, я ни на что не намекаю, задал вопрос, – спокойно проямлил Кларк, замороженно рассматривая янтарную жидкость в своем стакане.

– Нет уж, будь добр, поясни, – разгон у Ника от умиротворения до ярости был еще короче, чем у меня.

– Николас, остынь, просто хочу слышать мнение адекватной женщины. Кажется, последней адекватной женщины в нашей компании.

– Мне, конечно, безумно приятно, но я все еще не понимаю, зачем тебе мое мнение, – надеюсь, мои попытки проявить безучастность не были слишком очевидны явно перебравшему Кларку. Ведь я прекрасно понимала, о чем идет речь.

– Хлоя, как мне это остановить? Где и когда я оплошал, ведь все было так хорошо..., – Кларк словно был готов заплакать. Или отключиться. Одно из двух.

– Хочешь сказать, что нашелся кретин, позарившийся на верность твой жены? Друг, прости, но у тебя паранойя. Дай ей волю, Лея, эта твоя рыжая бестия, всех мужиков со свету сживет, как она еще тебя не съела, как самка богомола, –

Майк будто тоже протрезвел, предвкушая веселую беседу.

– Оставь его в покое, Майк, – рыкнув, зарубил насмешки на корню Ник.

– Погоди, так ты ТОЖЕ знал? – вот тут я поняла, что ляпнула лишнее, потому что все три пары глаз уставились на меня. Чертово красное сухое.

– Что ты сказала? – глаза Кларка вот—вот готовы были вылезти из орбит и поскакать по паркету подальше от этой Санта—Барбары.

– Да ладно? – Майк, ликуя, откинулся на стуле.

– Милая? – Ник старался придать нежности своему голосу, пусть и весь его вид выдавал крайнюю степень растерянности.

– Ой, да перестаньте. Почему допрос именно у меня? Все в этой комнате знали, что Лея уже больше года изменяет своему мужу, за исключением Майка. Который, кстати, был слишком занят, пытаясь не спалиться в своих собственных загулах, – а знаете что? Достали уже меня со своими тайнами.

Майк прыснул, а Ник устало закрыл глаза рукой.

– О боги... Как давно вы в курсе? – Кларка было действительно жалко.

– Восемь месяцев, – отчеканила я.

– Полтора года, – ошарашил всех Ник. Ну, зато теперь все внимание было приковано к моему мужу.

– И вы не сказали? Это называется друзья?! Хлою—то

я понимаю, женская солидарность и все такое, но Ник? Ты узнал чуть ли не раньше, чем сама Лея, а мне ни слова не сказал?! Да идите вы к черту, лицемеры хреновы, – похоже, настрой Кларка на душевную беседу был утрачен полностью, в отличие от настроения отправиться восвояси.

– А что бы это изменило? Ты бы бросил двоих детей и дом, оформленный на вас обоих? Ты же тоже юрист, ты знаешь, что суды с Леей тянулись бы годами, а психика ваших детей была бы уничтожена. Ты и сейчас в курсе, но продолжаешь разыгрывать из себя счастливого семьянина. Поэтому я спрашиваю еще раз – что бы изменило, если бы ты узнал это не сам, а от меня?

– Ээээммм..., – пока Кларк замешкался, Ник продолжил свою тираду:

– А знаешь, я сам отвечаю. Ты бы прожил эти полтора года, погрязнув в депрессии и судах. Вместо этого ты жил в счастливом неведении, спокойно наблюдая, как Эндрю делает первые шаги, а Софи заучивает и картаво поет песни Red Hot Chilie Peppers.

– Да я бы сделал что—то! Я бы что—то поменял в себе, поговорил бы с ней, не позволил бы ей втянуться, я бы... Я не знаю, – Кларк был окончательно убит, растекшись как растаявшее мороженное по столу.

– Ты бы ничего не сделал. Что бы не сделала Лин – это вряд ли меня остановит, я паталогический бабник, что уж тут греха таить. Но ни ее, ни двойняшек я никогда не остав-

лю. Я, конечно, поклянусь ей на чем угодно, что это было в последний раз, если она узнает и прижмет меня к стенке, но просто впредь буду более осторожен, – вот от кого от кого, но хоть одной честной фразы от Майка не ожидал услышать никто.

– Майк, про твою патологию все знают, но тут – другая ситуация, – наконец мне дали вставить хоть слово. – Поговори с ней, Кларк. Скажи, что все знаешь и готов идти на диалог. Таить уже бессмысленно, ты и так на грани срыва.

– Ты знаешь Лею, она будет орать, как полицейская сирена, и все отрицать, – Кларк был окончательно и бесповоротно разбит, но в его голосе что-то изменилось. Появилась... Надежда что ли?

– Просто поверь мне, – я подошла к Кларку и одобрительно потрепала его за плечо. – Мы с Ником молчали не оттого, что мы конченные друзья. А потому, что в таких вопросах гораздо проще пойти на путь примирения, не боясь быть со всех сторон осужденными, – увидев в глазах Николаса одобрение, я улыбнулась. Кажется, я украла его фразу.

– Так откуда ты знаешь? – мысль о том, что Ник узнал об изменах Леи уже так давно и ни разу не попытался мне рассказать, не давала покоя.

Майк и Кларк уехали домой, оставив нас с горой грязной

посуды и пищи для размышлений. Благо, хотя бы с первым пунктом вполне могла справиться посудомойка.

– Несколько раз мои деловые встречи с Генезис Лимитед проходили за завтраком в «Свитдримс», помнишь, я тебе о них рассказывал? Так вот, полтора года назад, а потом спустя пару дней снова... за столиком у окна Лея мило ворковала с каким—то парнем, каждый раз одним и тем же, целуя его на прощание. Сначала я хотел тебе рассказать, но потом решил, что не хочу и тебя заставлять нести это бремя. И, похоже, что не зря – откуда ты знаешь и про Лею, и про измены Майка? Или, может, ты еще и в курсе, кто убил Кеннеди? – Ник ехидно рассмеялся, в одних джинсах прошагав по спальне на пути в ванную.

– Родной, ты же не думаешь, что все женщины дуры набитые? – я устроилась у соседней с ним раковины, выдавливая пасту на зубную щетку. – Особенно Лин – она давно в курсе. Но, как она сама говорит, пока об этом никто не болтает и не шушукается втихаря, ей нет дела. Лин знала, за кого выходила замуж. А Лея... Ну тут все просто, Эми узнала от самой виновницы торжества, Леи, и хотела рассказать Адаму, но, к счастью, сначала посоветовалась со мной – благочестие Адама не позволило бы ему молчать. По поводу Кеннеди, – и, увидев в глазах Ника, занятого чисткой зубов, то ли удивление, то ли восхищение, закончила фразу, – ничего не знаю. Знаю только, что не хочу стать такими же, как они...

– Мы такими никогда не будем. Если я надумаю завести

любовницу, то скрывать не стану – она просто будет жить с нами. Ты же знаешь, что я ненавижу мотаться по городу, мне этого на работе хватает, спасибо, – еще одна супер—способность Николаса – шутить с таким видом, будто он только что поклялся на Библии говорить правду и только правду.

– Ой, ну тогда есть риск, что наши любовники будут изменять нам друг с другом! Я бы тогда тоже своего домой привезла, эта любовь на расстоянии – не для меня, – уложившись в постель и уже засыпая, прошептала я и добавила. – Не забудь не назначать никаких встреч на утро среды.

– Встреча с доктором Дженкенсом, я помню. Доброй ночи, Хлоя. Я люблю тебя, моя самая мудрая женщина на свете, – Ник уткнулся в мое плечо носом и почти сразу засопел.

– И я тебя люблю, Николас, сладких снов, – и, зная, что он наверняка уже спит, прошептала. – Только пообещай мне либо сделать все, чтобы о твоих изменах я не узнала, либо чтобы я узнала первой, иначе я тебя прикончу...

Глава 4

– Хлоя, да остановись ты уже! Я не то имел в виду, – Ник в три своих гигантских двухметровых шага догнал меня и схватил за локоть.

– Не прикасайся ко мне, – рыкнула я, отдернув руку и продолжив свой имперский марш в сторону выхода.

– Ладно, не останавливайся, просто послушай: мы же догадывались, что с нами что—то не то, два года безуспешных попыток и с десятков врачей, разводящих руками. И вот,

впервые, мы получили ответ, который хотя бы приближен к правде и проливает свет на все это дерьмо. Конечно же я был рад! – Ник не отставал от меня ни на шаг, пытаюсь хоть как—то оправдаться, когда я встала как вкопанная и обернулась.

– Так ты рад?! Ты что, черт возьми, издеваешься?! – если бы взглядом можно было прожечь дыру, то я бы сейчас смогла в долю секунды организовать тоннель на противоположную сторону планеты.

– Послушай...

– Нет, это ты меня послушай. За каким, спрашивается, хреном ты тогда таскался со мной по всем этим бесконечным больницам, делал вид, что ты тоже хочешь детей и разыгрывал драму, когда в очередной раз ничего не получалось?

– Хло, ты же знаешь, что я ничего не разыгрывал. Будь благоразумней...

– Благоразумней?! Ты что, новое умное слово выучил и решил им именно сейчас блеснуть?! – мою истерику и практически визуально ощутимый пар из ушей было уже не остановить, несмотря на пренебрежительные взгляды людей на площадке перед клиникой. Ник мягко обнял меня за талию, в попытке успокоить этот шторм эмоций.

– Давай дойдем до парковки и поговорим в машине, к чему устраивать этот спектакль.

– Да когда до тебя дойдет наконец?! Это – не спектакль и не чья—то злая шутка, это – уже реальность! – я сбросила его руку со своей спины, направляясь к дороге. – Это – наша

реальность, Ник! Это наши непонятно каким образом мутировавшие гены поставили крест на возможности когда—либо иметь детей. Случай – один на миллиард, вероятность того, что этот ген будет сразу у обоих партнеров – и того меньше. И! Бинго! Это мы! И что ты сказал, услышав эту прекрасную новость? «Ну наконец—то»?! И ты серьезно хочешь мне сказать, что ты вообще хотел, чтобы у нас были де...

– Хло, стой!!!

И все. Дальше – темнота. Только крик Ника, звучащий будто из—под воды...

Глава 5 – Ник

И все происходит, как в замедленной съемке, набор звуков и вспышек: Хлоя, сломя голову несущаяся к проезжей части, несмотря на красный сигнал светофора, полный ужаса взгляд девушки за рулём внедорожника, визг тормозов, рев клаксона, скрежет металла и тошнотворный гул асфальта во время падения на него тела моей жены.

Знаете эти ночные кошмары, в которых ты пытаешься убежать от монстра, но ноги будто вязнут в болоте, и все твои попытки заставить тело слушаться и двигаться быстрее имеют ровно нулевой эффект. Мне казалось, что я бежал до нее вечность, наблюдая, как останавливаются автомобили, из них выскакивают люди, нервно что—то кричащие в свои смартфоны, а я все никак не могу преодолеть эти чертовы девять метров, на которые отбросило Хлою силой удара. И это был самый горький финиш забега, который можно се-

бе вообразить: дьяволица, которая мгновениями раньше метала в меня молнии, мирно лежала на проезжей части... в медленно растекающейся по асфальту луже крови. Если не знать, что произошло, можно было подумать, что она просто бездомный, выбравший не самую удобную позу и не самое удачное место для ночлега. Но увы, это совершенно очевидно было бы притянута за уши...

Если бы я мог выбрать между самой яростной ее истерикой и этим умиротворенным, не выражающим никаких эмоций видом Спящей красавицы, я бы предпочел всю жизнь жить с ней как на пороховой бочке, лишь бы никогда не видеть этого. Растолкав толпу и трясущимися руками коснувшись ее шеи в отчаянных попытках найти пульс, я сел на колени рядом с телом Хлои, ожидая самого худшего.

Она самая сильная, выносливая и упрямая женщина из всех, кого я знаю, но тут ее настойчивость единственный раз дала сбой. Под моими пальцами не было и намека на пульс, а расползающаяся от ее головы мерзкая лужа винного цвета, будто насмехаясь над моими надеждами, давала понять – это конец.

Если вам кажется, что вы знаете, что такое растерянность – вы жестоко ошибаетесь. В этот момент я именно растерял все, мой мир рассыпался и разлетелся по улице. Что делать, кому звонить, куда бежать, что делать после – полная пустота в голове, белая пелена и ни одного знакомого слова в водовороте мыслей.

Ирония судьбы – мою жену сбила машина прямо по дороге к парковке возле клиники. Подоспевшие через пару минут с каталкой врачи что—то у меня спрашивали и, получая ответы вообще невпопад, смотрели так, будто это мое бездыханное тело лежало на асфальте. Не мудрено: я и сам, наверняка, выглядел, как безэмоциональный манекен. Я просто не понимал, не верил, не осознавал, что это все происходит с нами. Этого просто не могло случиться. Мне это снится. Я открою глаза, и все будет, как прежде... Иначе и быть не может, все это – злая шутка воспаленного мозга после ссоры...

Если бы я знал тогда, через что предстоит пройти еще, вся эта ситуация вызвала бы раздражение и не больше...

– Мистер Коул! Мистер Коул, вы меня слышите? – я пришел в себя только тогда, когда медсестра, склонившись над самым моим ухом, пыталась выудить мое сознание из водоворота мыслей.

– Да...да, это я, я Николас К..Коул, – язык заплетался и отказывался подчиняться.

– У вашей жены лучший ангел—хранитель, она жива, – искренне улыбнувшись, сказала медсестра.

– Но... кааак? Пульс... Его н..не было, – моя речь по—прежнему была похожа на речь тяжело больного психопата

– Вы правы, но, когда мы завезли каталку в больницу, у

нее практически сразу восстановился пульс, это невероятно! Нет никаких признаков внутреннего кровотечения. Мы еще не знаем, что у неё сломано, и... Мы ввели её в кому. Учитывая характер повреждений автомобиля и черепно—мозговую травму... Это лучшее, что мы могли сделать, чтобы позволить организму восстановиться.

— Но, я видел... видел все своими гла...глазами...

— Да, это чудо! За всю мою практику человек впервые без каких—либо реанимационных мероприятий самостоятельно возвращается к жизни, ваша жена — насто..., — она не успела закончить, ведь из палаты реанимации послышался возмущенный крик.

— Ник, черт тебя дери!

Лицо медсестры в миг побелело так, будто она увидела снежного человека и инопланетянина в одном лице. Я застыл на месте, когда среди больничного гула снова послышался... Голос Хлои???

— Да что вы тут понавтыкали мне! Ненавижу эти гадские иглы!

Да. Это точно была она. Не отдавая отчета своим действиям, я со всех ног помчался на звук её голоса, рванул на себя дверь и встал как вкопанный.

Хлоя срывала с себя иглы капельниц и датчики и выглядела так, будто... Будто это не она только что лежала на асфальте, сбита трехтонным внедорожником на скорости шестьдесят миль в час.

– Чего стоишь? Помочь не хочешь? – бросила мне Хлоя, сражаясь с повязкой на голове.

– Хло, – напроочь забыв о том, что у нее возможно сломано все, что может сломаться, я подбежал к ней и заключил в крепкие объятия. – Господи, ты жива, – и, будто все эмоции от пережитого нахлынули на меня разом, я забился в рыданиях.

– Ээээй, Ник, ты чего? – Хлоя отстранилась от меня и с тревогой осмотрела.

– Я боялся... боялся... что т... ты... ты была мертва... понимаешь, по—настоящему мертва, а я... я...

– Дорогой, о чем ты? Что мы здесь делаем вообще? – в её глазах читался шок... и недоумение.

Конечно, она не помнит, как—бы она помнила, если была... И я рассказал ей все. С болью в сердце восстанавливая произошедшее и пытаюсь не вдаваться в кровавые детали, я понемногу успокоился.

– Это невозможно... Я бы тогда чувствовала что—то, хотя бы головную боль, но..., – она начала яростно срывать повязку со своей светловолосой головы... Абсолютно белую. Без единого намека на то кровавое месиво, что я видел на асфальте. – Ник, ты то точно не...

– Миссис Коул, что вы делаете! – в палату ворвались трое врачей и тут же замерли, увидев в руках моей жены кипельно—белые бинты, минуту назад красовавшиеся на ее черепе... Разбитом, мать его, черепе! – Лягте пожалуйста, вам

нельзя вставать. Мы еще не знаем, что у вас сломано, – коренастый мужчина в очках, белый, как простыня, попытался вернуть Хлою в лежащее положение. Не на ту напали...

– Да с чего ради я еще хоть на минуту останусь в этом дурдоме! – Хлоя оттолкнула его, порываясь встать. И встала.

– Миссис Коул, умоляю вас, вернитесь в койку, – врач крепко схватил мою жену за локти, пытаюсь усадить.

Хлоя с психом откинула его руки, практически прорывав:

– Еще хоть раз вы дотронетесь до меня, или попытаетесь вынудить хоть на десять ярдов приблизиться хотя бы к одному учреждению, связанному с вашей псевдонаукой и некомпетентными лицами, я засужу вас всех к чертям собачьим. Ник, неси мои вещи, мы уходим, – если бы мы были сейчас в дурацкой комедии, то зазвучал бы военный марш, когда она, чеканя каждый шаг, прошагала в ванную, закрыв дверь на щеколду.

Не выдержав гробового молчания и электричества, пронизывающего воздух, я выдохнул:

– Мы подпишем все бумаги и отказ от лечения, – увидев белоснежные лица медперсонала, продолжил. – Она не изменит своего решения, я с ней не первый год. Мы все прекрасно знаем, что после подписания всего, что вы нам принесете, вся ответственность ложится на нас.

Я сам поражался своим словам. Я понимал, что, возможно, отойдет шок, и я поплачусь за свое решение, поплачусь жизнью человека, которого пару часов назад потерял. И за-

ново обрел... Я не знаю как, не знаю, как объяснить ту уверенность, что с ней действительно все хорошо. Даже больше: Хлоя будто никогда не была такой сильной и пышущей здоровьем, нежели сейчас. Я чувствовал в ней эту энергию, проникающую сквозь кожу и пронизывающую практически осязаемыми линиями все вокруг. И самое удивительное, что ту же непоколебимость я чувствовал внутри себя. Напрочь позабыв о том, что мгновения назад я не мог унять собственных слез...

Она всегда творила что—то невероятное со мной, с первого дня нашего знакомства умела «зарядить» мои батарейки и не переставала этого делать ни на день. Я никогда не лукавил, когда говорил, что Хлоя – самая прекрасная женщина на земле. В этой миниатюрной и хрупкой девушке с вечно выгоревшими блондинистыми волосами, как у заядлой австралийской серферши, и глазами цвета Карибского моря уживалось столько веры в себя, в людей и добро, что ни одна религия никогда бы не смогла сравниться с ней своими догмами о милосердии. И весь этот позитив и благочестие вкупе с элегантностью аристократки преспокойно уживался с характером урагана, в который она превращалась, выходя из себя. И с её неутомимой страстью, когда она, оставаясь со мной наедине, превращалась в горящую желанием дьяволицу...

Глава 6

– Ник, паспорта ведь у тебя? – я пыталась в уме перечис-

лить все, что мы гипотетически могли забыть, собираясь в самый непродуманный и не просчитанный отпуск в нашей жизни.

– Да, и билеты тоже, – прокричал Ник из гостиной.

Можете закидать нас тухлыми яйцами, но после того, как меня сбила машина, и я якобы побывала «по ту сторону», мы даже толком этого не обсудили. Нечего было обсуждать. Да, я ничего не помнила, но и не видела никакого белого света и раскрывающихся врат. Никаких херувимов, страшного суда, пронесшихся перед глазами лучших моментов жизни. Ни—че—го. Только глубокий сон без снов. Объяснять себе, Нику и бригаде медиков кровавую лужу, растекавшуюся от моей головы, и полное отсутствие жизненных показателей, желания не было никакого. Все ошибаются: люди, приборы, специалисты... А учитывая тот факт, что мы оба уже своего рода стали королями монстров с нашими мутировавшими генами с шансом один на миллиард, все самые неожиданные факторы вполне могли совпасть в один миг.

Но это не значит, что это никак на меня не повлияло. Стало предельно ясно, что нам нет смысла откладывать какие—то мечты, желания и идеи на завтра. И дело не только в том, что наша жизнь может прерваться в любой момент, и судьбе чихать на то, что вы не планировали умирать молодым и еще многого не успели. Хотя, может показаться именно так: как во все этих красивых и романтических фильмах, когда герои, доживая последние месяцы или побывав на волосок от

смерти, начинают вдруг жить на—полную, исполняя нелепый список желаний.

Мы никогда не станем родителями. От слова совсем. Я не против приемного родительства и безумно уважаю семьи, которые берут в семью малыша из приюта и любят его как своего. Но... Мне было до боли в груди обидно, что мы никогда не станем спорить: чьи у ребенка глаза, уши, в кого у него эти гадкие черты характера, способности. Не о чем спорить. Не о чем мечтать. Не к чему готовиться. И незачем себя беречь от надуманных страхов и псевдоопасных приключений...

— А ты все свои тридцать купальников в чемодан упаковала? — ехидно спросил Ник, выкидывая из холодильника все, что может испортиться за время нашей двухнедельной поездки в Чили.

— Их там всего три. Явно меньше, чем пять тонн упакованных тобой гаджетов, которые нам даже не пригодятся, — съехидничала я в ответ. — Ты же не надеешься, что у нас всегда будет доступ к вай—фаю, не говоря уже об электричестве?

— Хлоя, мы об этой поездке и мечтать не могли. Я обязан запечатлеть все эмоции, что мы получим во время этих бесконечных восхождений, прыжков и что ты там еще напланировала.

— Рафтинг, ты забыл про рафтинг. Не отвертись ты от него и не надейся, — я игриво чмокнула Ника в губы, отвлек-

шись от попыток застегнуть свой необъятный чемодан.

– Да с чего тебя вообще эта идея посетила, ты же даже дождь не любишь, потому что одежда намокает и прилипает к телу, а ты мерзнешь как зяблик от этого, – иронично вздохнул мой муж.

– Взгляни на это по—другому – рядом с тобой постоянно будет девчонка в мокрой белой футболке, а во время ночлега тебе придется это все с меня снимать, и, кто знает...

– Если ты продолжишь в том же духе, нам придется отвалить таксисту приличные чаевые за получасовое ожидание, – прорычал Ник мне в ухо, резко притянув меня к себе и схватив за задницу.

– Могу себе позволить, – я ответила на его грубость дерзким поцелуем. Люблю, когда он такой.

Николас жестко схватил меня на руки, вынуждая обхватить его ногами за спиной, и усадил на массивный обеденный стол. Я уже и забыла, когда в последний раз мы использовали его не по назначению... Дотянувшись до телефона, он быстро отправил водителю сообщение, свободной рукой залезая мне под кофту и выуживая грудь из лифчика. Ловко справившись с пряжкой его ремня, я аккуратно стянула с него джинсы вместе с трусами. В наших бесконечных попытках завести детей мы слишком сосредотачивались на цели и не всегда могли настроиться на сам процесс. Сейчас же мы были, как малолетняя парочка: никакой сосредоточенности и озадаченности, только наши до предела возбужденные и

разгоряченные тела.

Мы явно переоценили свои возможности – от такой грубости накала страстей нас и на десять минут не хватило.

– Это путешествие уже становится одним из самых крутых в моей жизни, – просмеялся Ник, вытираясь полотенцем после душа.

– То ли еще будет, – сладострастно промурлыкала я, нарочито медленно надевая белье.

– Хлоя, или ты завязываешь со своими фокусами, или мы опоздаем на рейс, и я не выпущу тебя из спальни все четырнадцать дней поездки в страну твоей мечты.

– Мне и на кухне было волшеббно, – просмеялась я и, увидев в его глазах разгорающиеся огоньки, продолжила. – Все, все, таксист заждался, идем.

Глава 7

– Николас, хватит рыбу вялить, что они сказали? – мое нетерпение от полного непонимания, что там лопочут наши потенциальные гиды на испанском диалекте, неслабо вывело из себя.

– Они говорят, что мы выбрали не самый лучший сезон для сплава – сезон дождей только закончился, река полноводна, и пороги, которые в подходящий сезон хоть и опасны, но хорошо видны, сейчас превратились... как это правильно сказать... в мясорубку или вроде того, – озадаченно перевел мне Ник.

Откуда мой муж так блестяще владеет испанским? Очень

долго он рассказывал мне сказки про няню—мексиканку, но при продаже его квартиры, которой он совершенно не хотел заниматься, я нашла коробку с его фотографиями времен разгульной жизни в колледже... Кто вообще печатает фотографии в наше—то время? Ну так няня оказалась как минимум лет на двадцать моложе положенных и явно питала слабость к высоким мощным голубоглазым красавчикам, коим являлся мой благоверный. Так я узнала о большой любви моего Николаса и Марьян, закончившейся тем, что ей наскучила его обходительность, и она переключилась на его друга — самопровозглашенного Казанову и красавчика темнокожего Майка. Спустя годы друзья закопали топор войны, а "няня" исчезла из жизни их обоих навсегда. Поначалу я, конечно, злилась, что он сразу не рассказал мне правду, какое—то время даже боялась, что горячая красотка Марьян с волосами цвета воронова крыла может снова всплыть на горизонте и пробудить студенческую любовь, но ведь каждый имеет право на прошлое. Мы не можем его изменить и не должны шарахаться от призраков былого... Важно лишь то, что в итоге нас связало что—то гораздо большее, чем когда—либо было у нас обоих.

— И ты надеешься, что я откажусь от этой затеи, пролетев тысячи миль? — я не была намерена отступать.

— Хлоя, ты меня вообще слушала? Это о—п—а—с—н—о, — Ник отчитывал меня, как суровый родитель зарвавшуюся школьницу.

– Да брось, они ходят по этим порогам всю свою жизнь и знают их лучше, чем свору своих детей. Я уверена, что им даже глаза завяжи – они найдут дорогу в самом бурном потоке вслепую, – ставлю сотню на то, что, если бы сейчас создатели кота из «Шрека» увидели бы мои глаза, они бы заплатили любые деньги, чтобы сделать меня его прототипом.

– Ааааа, черт подери, я женился на самой безумной женщине на всем белом свете, – вздохнул Ник и начал что-то бурно обсуждать с чилийцами. – Они хотят еще двести баксов сверху за риск.

– Пффф, всего-то? Пусть пакует чемоданы, – с задором выкрикнула я.

Так началось наше невероятное приключение. Потрясающая природа, утопающая в зелени, отвесные скалы, поражающие своей бирюзой воды реки Бейкер... Если вообще возможно испытать эстетический оргазм – то это был он. Наши гиды действительно знали реку как свои пять пальцев, пороги мы проходили на раз—два. В последнюю ночь нашего сплава, наевшись до отвала свежепойманной рыбы, название которой запоминать мне было просто лень, мы задержались у костра, пока чилийцы отправились спать. Кажется, я никогда не видела такого звездного неба... Я чувствовала себя так, будто мы одни во Вселенной, словно все эти звезды, шум реки, пение неведомых ночных птиц, все это – только для нас двоих. В такие моменты я будто чувствовала себя частью этого мира: не было и толики страха, что, укладываясь

спать, я наткнулся на кого—то ползущего и пресмыкающегося, да даже если бы пума, действительно обитающая в этих краях, залезла к нам на ночлег — я была бы ей рада и приняла как котенка. Мы — часть этой природы и никогда не имели права называть себя венцом творения. Все эти горы, реки, нетронутые человеком леса, умопомрачительное небо... Вселяли в меня веру в лучшее будущее для каждой твари, даже с какой—то насмешкой намекали на нашу малую значимость для мира на нашем коротком веку...

— Спасибо тебе, — Ник приобнял меня, ежась от ночной прохлады.

— Что?

— Просто спасибо. Ты настояла на этом нелепом рафтинге, когда я был на сто процентов готов сдать назад... И я об этом бы пожалел, я уверен. Лишившись всех этих благ цивилизации, отказавшись на три дня от сухой одежды и свеже сваренного латте, я будто обрел наконец зрение, увидел эту нетронутую, величественную природу, почувствовал себя ее частью. Частью воды, по которой мы плывем, частью воздуха, которым мы дышим, частью острых, как бритвы, скал, угрожающих нам всю дорогу. Надеюсь, это место сохранят в том виде, что есть сейчас, и однажды мы сможем приехать сюда с нашими..., — он вдруг резко замолчал.

— Детьми. Ты хотел сказать — детьми, — вздохнула я.

— Прости, — Ник виновато отвернулся.

— Родной, даже если бы мы могли..., — говорить об этом

мне и самой было трудно, но я продолжила. – Даже если бы мы могли... и сильно ускорились, мы бы не смогли поделить-ся с ними этим: на реке собираются построить цепь гидро-электростанций, что, конечно, поможет экономике страны... Но вероятнее всего убьет экосистему и уничтожит ландшафт, – увидев круглые глаза мужа, я, уже с задором, прошептала. – Ты же знаешь, что я не просто так не хотела отступать, у нас с тобой впереди вся жизнь, но сюда мы действительно могли не успеть.

– Я люблю тебя, Хлоя, – Ник ласково чмокнул меня в ухо. – Идем спать, из неразборчивой речи наших гидов я уловил, что заключительный день сплава будет самым тяжелым, силы нам понадобятся.

Я вздохнула и игриво добавила:

– Ну что ж, раз завтра мы снова вернемся в объятия цивилизации... Я хочу успеть почувствовать себя Амазонкой... Дикой и безудержной Амазонкой, – подмигнув ему и быстро стянув с себя верхнюю часть одежды, я отправилась в палатку.

– Господи, женщина, ты меня погубишь, – отбросив кружку с давно остывшим чаем, Ник отправился следом за мной, по дороге расстегивая молнию на толстовке.

Что ж, надеюсь чилийцы крепко спят.

Глава 8

– Дорогая, будь предельно внимательна и в точности выполняй его команды, – через шум бурлящего на горизонте

потока пытался докричаться до меня Ник. — Порог будет достаточно длинным, чтобы нас измотать, при этом река резко уходит вправо, но дальше нас ждет заводь, и мы сможем передохнуть перед последним порогом, а там уже и финишная прямая.

— Хорошо, я поняла. Юхууу, приключения начинаются!

И мы погнали. Поток действительно был очень бурным, сражаться с ним было нелегко, весло буквально вырывало из рук, и уловить в этом гуле бурлящей воды команды гидов было практически невыполнимой задачей. Бывали моменты, когда наш рафт подкидывало так, что от сиденья нас отрывало чуть ли не на метр, приземления не всегда были мягкими... Но мы справлялись. Из последних сил выгребая на этом адовом повороте русла, я уже молилась, чтобы это поскорее закончилось, на горизонте уже виднелась заводь. Еще немного, и можно было бы выдохнуть, как в очередной раз мы налетели на что—то под водой... Удар пришелся на правую сторону борта, на которой сидел один из наших гидов и Ник... Беззаботно снимающий всю эту вакханалию на гоу—про, мать его, Ник, который тут же вылетел из лодки, не успев ухватиться.

— Нииииик, — мой истошный крик слышали, наверное, на другом материке.

Но остановить рафт в этом бурлящем потоке надежды не было никакой. Я крутилась и вертелась в поисках его оранжевого шлема в этой пучине, невзирая на истеричные окри-

ки чилийцев. Пороги сменялись адскими водоворотами, заточенные рекой, как лезвия скальпелей, камни, торчащие из воды, того и гляди готовы были распороть нашу лодку на тысячи кусочков. Но Ника среди них не было. С горем пополам добравшись до заводи, я использовала все свои коммуникативные навыки, давая понять, что нам нужно причалить к берегу и ждать, когда мой муж выберется из этой... Правильно, как он сказал, мясорубки. Но гиды и сами это знали... Выбравшись на берег, я со всех ног побежала выше по течению реки, до куда позволяли это сделать обнимавшие ее отвесные скалы. Я рванула в воду, но, услышав истошные окрики чилийцев, вернулась на берег – не хватало им еще моих поисков.

Ожидание убивало. Каждая минута тянулась вечностью... Я всматривалась в этот поток, пытаюсь уловить хоть что-то. Ник со своими чертовыми гаджетами, ну какого лешего ты решил запечатлеть именно этот момент, почему просто нельзя было держаться за борт... Но его не было. Я не знаю, сколько времени прошло, когда ко мне подошли гиды. Они пытались что-то объяснить, и в их глазах отчетливо читалось... Сожаление?

– Нет, мы должны ждать. Он выберется, это же Ник! Я с места не сойду, пока он не появится, – я жестами пыталась донести до них свои мысли, когда мой разум настойчиво рисовал самые страшные картины...

– Ночь.... Непонятная белиберда на испанском... Темно...

Снова испанский... Опасно, – видимо, один из них пытался мне объяснить, что, если ждать еще – станет слишком темно для движения дальше, и придется провести ночь здесь.

– Да, мы будем ждать ночь! Да хоть десять ночей, хоть месяц, мы не уйдем отсюда втроем. Только все вместе, – снова мои жалкие попытки донести информацию жестами. Почему я выбрала изучение французского в колледже, какая же я была дура...

Они начали бурно спорить между собой, в конце концов один из них ушел в джунгли, а второй начал доставать наши вещи из рафта. Отлично. Они меня поняли. Мы тебя дождемся, только умоляю, выберись из этого ада.

Солнце быстро уходило за горы, окаймляя их вершины своими багровыми лучами. Мы провели на берегу уже, наверное, часа два, которые для меня были, как две недели, когда уже окончательно стемнело. Пойманная гидом, кажется, Карлосом, рыба не лезла мне в горло. Костер полыхал жарким пламенем, но даже рядом с ним меня трясло словно в лихорадке. Глаза болели от напряженного поиска хоть чего—то в бурлящем потоке, сил не было никаких, но я продолжала вглядываться в темноту. Ко мне подошел Карлос, и, ласково положив руку на плечо, сказал:

– Темно. Ничего не видно. Спать, – и ушел в палатку к своему напарнику.

Но я не могу вернуться туда. Просто я... Я не могу, провести там ночь без него. Провести ночь в месте, где меньше

суток назад нас беспокоило только то, не услышат ли чилийцы наши стоны.

Подкинув побольше дров в костер, я четко была намерена ждать вот так хоть до утра. Мои попытки прогнать из головы все мысли о том, что больше я не увижу любовь всей своей жизни и единственный оставшийся в ней смысл, ноющие от усталости мышцы и глаза окончательно меня добили, и я сама не заметила, как провалилась в глубокий сон. Сквозь бесконечный поток тревожных сновидений, в каждом из которых я миллиард раз видела, как Ник сражается с бурлящей рекой и каждый раз проигрывает, я проснулась после его очередного молящего о помощи крика.

Отогнав от себя сонную дрему, я потянула затекшее тело, с горечью осознав, что его голос во сне, вероятнее всего, все, что мне теперь осталось. И я завывала. Ибо плачем это нельзя было назвать... Сквозь свои всхлипы я снова слышала его голос. Усталость всегда играет злую шутку с нашим сознанием.

– Хлоооя, – этот крик уже мало походил на галлюцинации.

– Ник, – прошептала я, цепляясь за тонкую нить надежды. Слишком тихо. И набрав побольше воздуха в легкие, сквозь слезы прокричала что есть мочи. – Нииик!

– Хлоя, я вас вижу. Я на другом берегу реки, отличный костер! Тут вроде тихое течение, я плыву к вам.

Забыв обо всех мерах предосторожности и о том, что мое легкое тело легко может унести течением, я бросилась в воду

прямо в одежде и в обуви. На то, что в такой влажности к утру все это не просохнет, мне было плевать. Вдруг он ранен, вдруг ему не хватит сил выплыть до порогов. Но мне было все равно, теперь я не отдам его этой гадкой реке. Пробежав по колено в воде ниже по течению, чтобы поймать его там, куда его снесет, я рванула вперед. Не проплыв и пяти метров, в тусклом лунном свете я разглядела его лицо.

– Хлоя... Вернись на берег... или я тебя придушу, – угрожающе гаркнул Ник, сражаясь с течением.

И, кажется, впервые в жизни я не стала ему перечить: я была совершенна обессилена, адреналин отпустил, и тело отказывалось слушаться. Все что угодно, лишь бы ты боролся с течением, а не с моим упрямством. Но удержаться от того, чтобы не броситься к нему, как только его лицо не стало отчетливо видно в темноте в паре метров от берега, я не смогла.

– Нииииик... как ты... я... ты так меня напугал, – моих слез было уже не унять. Вся моя сила воли, сдержанность и умение не впадать в истерики улетучились, как только я коснулась своего мужа.

– Ээээй, все в порядке, идем к костру. Я адски голоден... и чертовски замерз, – в его голосе слышалась еще и дикая усталость, но это уже не имело значения. Главное – он был жив и, кажется, здоров.

Нас уже ждали светящиеся от счастья чилийцы, которые обняли Николаса, как родного, и прокричали что-то обод-

ряющее на испанском. Быстро допросив его и подкинув дров в костер, они вернулись в палатку, явно довольные тем, что вся команда вернется домой в целостности и сохранности.

Уже в свете костра, пока Ник рылся в своем рюкзаке, пытаясь найти, во что переодеться, я разглядела, что вся одежда на нем изорвана. Но на идеальном теле не было ни царапины... Вот же счастливчик!

– Ник, а где жилет и каска? – до меня только сейчас дошло, что этих обязательных элементов обмундирования он не принес с собой с того берега.

– Ааа... Не знаю, сорвало потоком, я зацепился за ветку или вроде того. Оставим страшные истории до возвращения в цивилизацию, не хочу тебя пугать, – он нежно чмокнул меня в щеку. – Зато я сберег камеру, правда объектив разбит...

– Надеюсь, ты хорошо ее спрятал, потому что если я ее найду – сожгу к чертям собачьим, – устало вздохнула я. В честь его возвращения мой лучший подарок – не отчитывать его как ребенка. Улегшись на его коленях, пока он жадно поглощал запеченную на костре рыбу, я почувствовала себя так, словно я не в забытом Богом месте, а дома: мой Ник, горячо любимый Ник наконец со мной, большего мне и не нужно. И практически мгновенно уснула.

Глава 9 – Ник

Хлоя очень быстро отрубилась и начала дергаться во сне, рассыпав волны своих светлых волос по моим ногам. Как всегда. Я постоянно поражался ее этой супер—способности

засыпать в считанные секунды даже в самом неудобном положении. Например, как сейчас, на моих трясущихся коленях...

Как уберечь её от того, что я пережил? Как рассказать ей, искренне сожалеющей из—за любой моей царапины, как я нескладное количество раз захлебывался в водовороте? Как объяснить, что, разбив о подводные скалы шлем пополам и порвав о них же спасательный жилет и всю свою одежду, я без сознания пролежал на каком—то повалившемся дереве больше часа, очнувшись только благодаря адскому холоду? Анализировать всю ситуацию было абсолютно бесполезно. Все мыслимые и немыслимые грани были стерты. Мои попытки вспомнить все детали приносили только боль, недоумение и страх: я вновь и вновь не мог выбраться из водоворота, волна за волной лишали меня попыток вдохнуть воздуха, легкие пылали огнем, острые камни разрывали одежду, а казалось, будто резали плоть. Я не знал, как я выжил, не говоря о том, что еще и не пострадал. Никаких идей.

Я не относил себя к числу приверженцев какой—либо религии, но почему—то сейчас отчаянно хотелось поставить свечку, зажечь благовония, отправиться в паломничество или что там еще обычно делают, лицом к лицу встретившись со смертью и показав ей средний палец. Поблагодарить кого—то там сверху что ли.

Но покоя мне не давало совсем другое: сначала та авария с Хлоей, теперь я, а ведь не прошло и месяца... Это вооб-

ще как воспринимать? Просто совпадение? Или стоит отнестись к этому философски, как намек, что пора что—то менять или наоборот не лезть на рожон. Куда заглянуть, в какой справочник или манускрипт, чтобы найти ответы?

Но совершенно очевидно было, что абсолютно обессиленному, пережившему настоящий ад, мне ответы было не добыть. Поэтому, подхватив на руки посапывающую жену, я понес ее и остатки своего понимания этого безумного мира в палатку.

Глава 10 – Ник

– Дорогая, ты там скоро? Есть хочется ужасно, – на Хлою это было ну никак не похоже. Это я мог залечь в ванную и валяться там час—два, её же больше, чем на пятнадцать минут, туда поганой метлой не загонишь.

Возможно, она просто пытается отмыться после трех дней вне цивилизации после посещения заповедника Торрес—дель—Пайне и пингвиньего острова, куда мы отправились после злополучного рафтинга. Но тридцать минут для нее – это слишком много, уснула там что ли?

– Хлоя, еще немного и я начну питаться содержимым мины—бара, – я попытался открыть дверь ванной, но она оказалась закрыта. На самом деле идея потребления солено—переперченного—в—пламя—рот—превращающего арахиса меня не особо вдохновляла. Поэтому, переодевшись в серую рубашку в клетку и джинсовые шорты, я развалился на диване и принялся переключать каналы ТВ.

– Ник, секунду потерпи еще, – и буквально тут же она вышла оттуда уже одетая. – Идем, я готова.

И черт меня дернул заглянуть в ванную, чтобы поправить свою прическу. Я тщательно размазывал по волосам пасту, купленную мною в барбершопе, предвкушая, как моя жена в миллионный раз закатывает глаза. Моя одержимость качественной косметикой для волос была постоянным предметом для стеба Хлои надо мной. Ей для поездок было достаточно шампуня и кондиционера, когда я всюду таскал с собой целый арсенал баночек с кремами и гелями. Только так я мог справиться со своими непослушными вихрами. Ухмыльнувшись своему отражению в зеркале, я ненароком бросил взгляд на грудку полотенец, валявшихся возле джакузи... Белоснежная прежде ткань была насквозь пропитана кровью...

– Ты мне ничего не хочешь сказать? – шокированный зрелищем, я на цыпочках вышел из ванной.

– Нет, не хочу, – ее тон не подразумевал обсуждений, но это же, мать его, кровь!

– С тобой все в порядке? Где ты успела пораниться?

– Нигде.

– Хлоя, что это такое? Откуда кровь? Столько крови... Ты же не хочешь сказать, что это... выкидыш?! – так все—таки, мы не безнадежны?

– Забудь об этом раз и навсегда, – буркнула она, но расстройство и раздражение в ее голосе будто говорили об обратном. Я знаю этот голос – она вот—вот заплачет, но это

ничего не меняло. Не могла же она кого—то прибить, пока мылась? Моя жена никого больше мухи в жизни не тронула...

– Милая, ты меня пугаешь...

– А знаешь, это я тебе хочу сказать, что ты меня пугаешь! Я себя пугаю, ты меня пугаешь, от нас обоих я вообще в ужасе, – кажется, ее начало трясти.

– Я не понимаю! Хлоя, чья это кровь?! – я уже и сам был на грани.

– Моя! Это – моя кровь, черт подери! И не надо на меня так смотреть, будто ты сам ни о чем не догадывался. А теперь – хватит паяться, и пошли наконец ужинать, – она уже направилась к выходу, как я одернул ее за руку.

– Ты серьезно надеешься, что я вот так спокойно отправлюсь ужинать, когда у меня в ванной лужа крови?

– Раздевайся, – вздохнув, совершенно не в тему ответила мне моя жена. Поехавшая жена.

– Ты сейчас ничего лучше секса придумать не могла? Seriously?!

– Хорошо, я отвечу на все твои вопросы, когда ты разденешься. Подойди сюда, – она подошла к включенному ноутбуку и продолжила. – Ты ведь разбил камеру на рафтинге, верно? Так вот карта памяти абсолютно не пострадала, странно, что ты не проверил. И пока ты мылся, я решила стянуть с нее фотки и отправить братьям и родителям. Но, знаешь что... Ты до сих пор одет? – она открыла файл с ви-

део с того рокового дня и нажала паузу.

— Ты же в курсе, что ты — ненормальная? — сам не знаю, что меня так развеселило, но я все—таки начал стягивать с себя рубашку и шорты, когда она нажала на «плей» и снова ушла в ванную, по пути расстегивая легкое желтое платье.

Ничем непримечательная запись, мы проходим эти последние адовые пороги, я проматываю, потому что эту картинку я наблюдал неделю назад и насмотрелся ею по горло. Чего она добивается? Но тут камера окунается под воду, и я понимаю, что это тот самый момент, когда я выпал из лодки... Беспорядочные мгновения подводных съемок в бурлящем потоке, который вдруг становится алым. Снова и снова река смывает красное облако, но оно появляется порог за порогом... Эти мгновения опять всплывают у меня перед глазами: я под водой, мой шлем раскалывается на две части об огромный валун. В следующий момент, напоровшись на какой—то очередной заточенный камень, я, уже захлебываясь, теряю свой спасательные жилет... При этом распоров свое левое плечо чуть ли не пополам. А потом и спину... И руку... Разорвав бедренную артерию... И, наконец оказавшись на этом упавшем дереве, я слышу, как с него слетают испуганные птицы.

Зачем? Зачем она это включила... Ведь я не хотел вспоминать, не хотел верить, что...

Моя мысль оборвалась, когда я почувствовал, что в мою грудь со спины входит нож.

– Кхфххфх, – изо рта полилась кровь, адреналин зашкалил, когда я, обернувшись и взглянув на свою уже обнаженную жену, увидел ее абсолютно равнодушное лицо. Лицо женщины, которая решила меня убить...

Я попытался шагнуть к ней, но упал на колени. Кровь лилась даже из горла, заливала живот, капала на пол... Так ты не хотела сдавать шмотки в химчистку, поэтому решила прикончить меня раздетым?

– Мы бессмертны, Ник, – спокойно сказала она, перерезая себе горло.

Перед глазами поплыло. Наверное, так и бывает, когда умираешь. И смотришь, как убивает себя любимый человек... Хоть и выживший из ума, но любимый человек. Которая абсолютно спокойно, я бы даже сказал – скучающе стояла передо мной и истекала кровью...

Но вдруг все прекратилось. Железный привкус во рту исчез, кровавый поток в одно мгновение застыл, и я даже не мог сказать – было ли мне вообще больно? Было ли мне больно, когда острые, как скальпели, валуны реки Бейкер разрывали мое тело на кусочки? Было ли больно Хлое, когда трехтонный внедорожник отправил ее в полет, расколов череп?

– Теперь, я надеюсь, мы сможем пойти поесть? – равнодушно сказала мне жена на пути в душ. Глубокий порез на ее горле уже исчез, как и дыра в моей груди.

Она абсолютно ненормальная. И я, похоже, тоже...

Глава 11

Всю дорогу до ресторана мы молчали. Я была опустошена.

Самое странное, что больше всего меня сбил толку тот старик из маленькой деревушки, в которой мы останавливались после поездки в заповедник. Из—за своей вечной бессонницы, абсолютно мистическим образом уживающейся со способностью засыпать в три секунды, я была вынуждена шататься между домами, наслаждаясь окрестностями. Я проходила между этих убогих лачуг, собранных, как говорится, из говна и палок, вдыхала немыслимые ароматы соломы, тлеющих костров, пригоревшей к закоптившимся котелкам еды... Кажется, я никогда не была в месте, похожем на это. Несмотря на всю простоту своей жизни, местные жители казались мне абсолютно счастливыми. Они будто примирились со своей жизнью, далекой от цивилизации, электроники, отопления и сплит—систем... Или, быть может, им это было попросту не нужно. Простой быт являл собой невероятную простоту бытия, и это заслуживало восхищения. Я совсем затерялась в своих мыслях, когда меня окрикнул некий старец, сидевший возле своей хижины у костра. Он лепетал что—то совершенно неразборчивое на испанском диалекте, что даже с моим минимальным знанием нескольких слов разобрать хоть одно было непосильной задачей. И тогда он начал рисовать палкой на земле...

Абсолютно очевидные символы мужчины и женщины, какие—то точки, связывающие их головы и промежности... И куча крестов и могил вокруг них. Еще какие—то непонят-

ные рисунки: подобие птиц и кошек у ног женщины, волн и гор – у ног мужчины. Я не совсем уверена, но он будто попытался изобразить цифры (он точно умеет писать?), символизирующие какие—то древние века. В итоге он просто обвел всю эту вакханалию в круг и ткнул своей палкой в мою сторону. Только тогда, в тусклом свете костра я увидела, что он слепой...

Утром ничего не подозревающий Ник по моей просьбе расспросил гидов, и оказалось, что этот старик – что—то вроде местного сумасшедшего, всю свою жизнь рассказывающий детям сказки и небылицы. Но иногда эта грань между безумием и гениальностью слишком тонка...

Конечно, когда я зашла в ванную, я не была на сто процентов уверена, что выйду оттуда живой. Но это было единственным способом убедиться, что мои догадки верны, и то, что сжирает меня изнутри – не просто начинающаяся шизофрения. Та авария со мной, видео со сплава, где абсолютно очевидно Ник был серьезно ранен, разводящие руками врачи и легенды старца перевесили мой страх на чаше весов, и я решилась – резанула вены вдоль левой руки. А когда через пару секунд глубокий порез исчез, решилась и саданула ножом в живот... И, конечно, все так же затянулось в один миг.

Буря эмоций – слишком легкое словосочетание чтобы описать, что я чувствовала в тот момент. Мне хотелось и плакать, и кричать, и смеяться, и перебить всю посуду и мебель вокруг, и переехать всех на танке, и... обнять весь мир. Это

наше проклятие и наше благословение. Наша боль и наша сила.

– Ник, – я решила как—то разбавить тишину за ужином. – Прости, что...

– Хлоя, вот помолчи сейчас, пожалуйста. Не порти аппетит, – меня обижал этот тон. Ник, не отрывая глаз от тарелки, поглощал свой стейк.

– Николас, не истери. Я бы...

– Что ты бы? Еще раз попыталась бы меня убить? – если бы можно было оценить степень его злобы по десятибалльной шкале, Ник бы сейчас выдал двадцать.

– А как еще я могла бы тебе доказать?! Ты бы согласился, скажи я тебе «Эй, Ник, давай—ка я пырну тебя пару раз ножом, дабы убедиться в том, что мы с тобой монстры и мы бессмертны»? – смеяться или плакать в этой ситуации я уже, честно, не знала.

– Ты будешь текилу? – таким тоном, будто мы обсуждаем цвет обоев в спальне, бросил мне Ник, впервые за весь вечер посмотрев мне в глаза. И можно было бы возразить, прикинуться шлангом, но надраться в щи сейчас звучало действительно неплохо.

– Мне можно сейчас пошутить по поводу того, откуда я хочу слизывать соль перед рюмкой текилы? – вот что—что, а мои пошлые шуточки он всегда любил.

– Нет, – и он пролепетал что—то на испанском нашему официанту. Его харизма распространялась на всех вокруг,

парень улетел за текилой с таким вдохновением в глазах, будто только что выиграл кубок UEFA.

Удивительно, как лихо мы смогли переключиться от обсуждения моей попытки прикончить себя и Ника, к воодушевленным возгласам по поводу нашего странного положения.

– Да мы можем делать все, что угодно! – текила сделала свое дело, и последние полчаса Ник накидывал сотни вариантов того, чего мы могли бы делать зная, что мы никогда не умрем. – Да даже в космос отправиться, хотя... Ты уверена, что там это работает?

– Не знаю, но чего не хватило нашему от...отпуску, – язык уже не слушался. – так это безумия.

– То есть то, что ты вскрыла себе горло, причем не раз, всадила мне нож в спину, я чуть не остался навсегда на берегу этой чертовой реки и что там еще – это было не безумие? – вся озлобленность, напряженность и растерянность в нем исчезла. Со мной наконец был мой весельчак Ник, не знающий границ в развлечениях.

– Неее... Ну то есть – скажи я прямо сейчас, что я хочу нырнуть с высокой скалы в пучины океана, ты бы отказался, это же опасно...

– Пффф, нет для меня больше этого слова, – и в следующий миг он уже допрашивал сонного официанта. – Чур следующее безумие за мной.

Не знаю, какими правдами и неправдами он уломал води-

теля отвезти нас за сотню километров от города и ждать на берегу, пока мы не вернемся, но меньше, чем через час, мы уже стояли на краю обрыва.

– Ты боишься? – Ник нежно взял меня за руку.

– Я не знаю, чего теперь бояться... Только что водитель уедет, и нам придется среди ночи ловить попутку. Ну и что платье порвется, оно мне все—таки нравится...

– Мне моя рубашка тоже, знаешь ли... Но мне нравится это чувство, свободы что ли. Хлоя, я знаю, что мы никогда не были какой—то закрепощенной парочкой, но сейчас... Будто я впервые – я. Будто нет границ. Будто мир – наш.

– Я чувствую то же самое. И от этого страшно. В какой—то степени пугает отсутствие страха, – сложно было отделаться от мысли, что, вероятнее всего, мы разобьемся об острые скалы внизу, что даже если не разобьемся сразу— волной нас все равно бросит на них, а мы... просто выплывем. Но я предвкушала этот полет в бездну и не могла от него отказаться. – Кто последний окажется на берегу – с того массаж.

И я с разбегу сиганула в пропасть. Шум волн, разбивающихся о скалы, ветер, раздувающий волосы, чувство полета, длившегося словно вечность... Чувство, когда твое тело врывается в океан, а он, как песчинку, забирает его в свои объятия. На скалу я, конечно же, напоролась, с моей—то удачей. Было ли больно? Сложно сказать. Физическая боль будто перестала для меня существовать. Конечно, я чувство-

вала свое тело, но то, что с ним происходит, не причиняло страданий. Что я действительно чувствовала, так это свободу. Дурманящее ощущение, какого будто не знала раньше. Будто каждое нервное окончание оголилось и принимало только положительные вибрации.

Я чувствовала мир, чувствовала каждое живое существо, живущее рядом со мной, чувствовала тепло, исходящее от горящего тела моего Ника... И будто не было ничего больше – только мы, живущие здесь и сейчас. Всю свою жизнь мы гнались за достойным уровнем жизни, успешной карьерой, уважаемым социальным статусом счастливой семейной пары, пытались соответствовать ожиданиям наших родителей и близких, а сейчас... Мы скинули все оковы ложных убеждений и предрассудков. Впервые мы – это мы, летящие навстречу острым скалам, и нет никого, кто заставил бы нас вернуться к нам прежним.

Глава 12

– Нет, ребят, но вы определенно кого-то подкупили там наверху! – Адам не переставал удивляться нашим приключениям в Чили, когда по возвращению из отпуска мы заглянули к ним на ужин. Конечно, мы не рассказали им всего. Мы четко приняли решение, что пока сами не разберемся со своим «недугом», никого не станем в это посвящать. А, возможно, никогда не расскажем вовсе... Но решили, что лучше сослаться на банальную удачу, чем случайно сболтнуть лишнего на одной из вечеринок, вынуждая задаваться дру-

зей ненужными вопросами.

В конце концов, эта парочка была нам ближе кого—либо другого. Никто уже даже не брался вспомнить, когда зародилась наша дружба. Невероятно добрые, искренние, веселые и суетливые Дженкенсы прекрасно дополняли друг друга. Эми была своего рода идеалом красоты – если бы она не была настолько прекрасной матерью и маркетологом, она бы с легкостью стала фотомodelью. Высокая, статная, стройная темнокожая девушка с выразительными пухлыми губами и потрясающими курчавыми волосами, которые были предметом зависти всех девушек в колледже. И Адам – такой же высокий и стройный темнокожий красавчик с пронзительными шоколадными глазами и улыбкой, способной сразить наповал любую. Даже Эми не устояла, что уж там говорить. Их сын получился под стать своим родителям: курчавый смышленный малыш ангельской внешности, но с дьявольским характером. Быть может, это было и хорошо – уж кто—кто, а Генри точно никогда не даст себя в обиду. И, когда мне доводилось оставаться с ним наедине, весь его пакостный характер сходил на нет. Он видел во мне чуть ли не лучшего друга, старшую сестру, придумывал какие—то невероятные игры и заодно смеялся. В такие моменты у меня не было никаких сомнений, что он вырастет замечательным парнем. И еще в такие моменты мне хотелось рыдать навзрыд от бессилия... Ведь у меня самой никогда не будет ребенка, подобного ему.

Вечер проходил прекрасно, мы делились фотографиями и

впечатлениями, а ребята рассказывали нам свежие новости, которые справедливее было бы назвать сплетнями, из жизни нашего окружения. И все закончилось бы как обыденные дружеские посиделки, если бы в окнах не начали проблескивать языки пламени.

– Мне кажется или..., – Ник не успел закончить фразу, как Адам подскочил и подбежал к окну:

– Вот черт, у соседей сарай горит. Эми, звони пожарным, Ник – неси огнетушитель из машины, надеюсь, успеем и сами потушить.

Протяжный вой вырвал нас из оцепенения.

– О нет, кажется, они заперли Лари в сарае, – побледнев, прошептала Эми, прижимая к груди испуганного Генри.

Не знаю, кто мы, зачем мы, поиски в сети, да даже в даркнете не дали никаких результатов, но в тот момент я уже отчетливо знала, что должна делать. И пропади пропадом каждый, кто посмеет встать у меня на пути.

Глава 13 – Ник

– Ты меня слушаешь вообще? Я сказал – нет, – как вразумить эту женщину?

– Ник, ты что, не слышал? Он там скулит и ждет помощи, он задохнется до приезда пожарных, – Хлоя была готова в любой момент сорваться спасти эту чертову псину. И сдать нас с потрохами, чего допустить нельзя было ну никак. Втягивать во всю эту необъяснимую чушь с нашим бессмертием друзей – было последним, чего бы мне хотелось. Они не

смогут этого принять и не слететь с катушек.

– Хлоя, каждый день гибнут сотни собак, да что там – сотни людей, не кидаться же теперь в огонь за каждым из них! – я пытался не привлекать внимания к нашей перепалке, хоть мне и стоило титанических усилий не сорваться на крик.

– Ну и что? Какого черта тогда вообще нужны мы? Зачем? Сейчас мы можем помочь одной конкретной собаке. А дальше видно будет. Так что ты либо помогаешь мне вскрыть этот сарай, либо я на глазах у всех соседей начну ломать его голыми руками.

– Ааааа, я прибью тебя! Адам, есть болторез? Кусачки, топор, хоть что—то? Надо вытащить пса, – времени на долгие объяснения не было. – Не задавай вопросов, просто неси. Хлоя, сходи с Эми и намочи одежду и волосы.

– Ребята, вы – сумасшедшие, – Адам, без лишних слов уловив ход наших мыслей, даже не представлял, насколько он прав. Но он действительно, ничего не спросив больше, умчался в гараж. Господи, чем мы заслужили этих идеальных друзей?

Через минуту я уже ломал замок на сарае, а рядом стояла и обтекала водой Хлоя.

– К чему этот маскарад с водой? Ты же знаешь, что мне ничего не будет.

– Я—то знаю. А вот остальным будет проще принять тот факт, что тебе просто повезло. Удачи не желаю, сама это затеяла – сама и разгребай, – я был невероятно зол. И еще боль-

ше горд.

Глава 14

Внутри было пекло. Почти все деревянные перекрытия пылали, клубы дыма застилали весь обзор, но единственное, чего я боялась, так это что не смогу найти и вытащить пса. И в тот момент, когда казалось, что в этом ворохе пылающих досок и хлама, трескотне горящей древесины и хаосе его бы уже и сыщик не отыскал – я будто его почувствовала, услышала, безошибочно разгребая перед собой дорогу.

– Эээй, малыш, все хорошо, – наконец я разглядела трясущегося лабрадора в углу под верстаком. Попыталась его вытянуть, но бесполезно: он был страшно напуган, и сдвинуть его с места было просто нереально, ведь весил он почти столько же, сколько и я. Не знаю, сколько времени я провела в попытках успокоить его и сдвинуть хотя бы на дюйм, когда стало очевидно – ничего не выйдет. Я была невероятна зла на беспечных хозяев этого бедолаги, а от безысходности хотелось разрыдаться. Без сил я просто села рядом с ним, готовая защищать его от падающих досок хоть до второго пришествия. И тут произошло то, чего я никак не ожидала: пес перестал дрожать и положил голову мне на колени. Мол, ладно, убила, давай убираться отсюда.

– Ну что ж, дружок, вынести тебя на руках я не смогу, так что не отставай ни на шаг, – я взяла голову пса в свои руки и очень надеялась, что если не со слов, то хотя бы по взгляду он поймет, что нужно делать.

И он понял. Я голыми руками разгребала горящие доски у нас на пути, а пес послушно ступал за каждым моим шагом. Наконец мы оказались на улице — глоток свежего воздуха нужен был нам обоим. И, как только мы отошли на несколько метров от сарая, крыша рухнула...

— Хлоя, ты нас так напугала! Ты в порядке? — пока Эми осматривала и ощупывала меня в поисках ожогов, Адам просто стоял разинув рот, а Ник ухмылялся.

— Даже не надейся, что в таком виде сядешь в машину, — Ник подошел ко мне и прошептал на ухо. — Умница, детка. Теперь ты — настоящий супергерой.

Под аплодисменты соседей и вой пожарных сирен мы вернулись в дом — мне нужно было смыть с себя копоть и сажу и переодеться. Благо, у нас с Эми практически один размер одежды.

— Ты же понимаешь, на что мы теперь способны, — я нарушила гробовую тишину, пока мы добирались домой. Короткие шорты и футболка Эми сели на меня как влитые, и только пакет с моими мокрыми, пропахшими дымом вещами напоминал о произошедшем.

— Родная, ну как ты себе это представляешь? Кататься по городу в поисках пожаров и катастроф? А работать когда, когда жить? — Ник, не отрываясь от дороги, нервно сжимая руль, бросил мне в ответ.

— Ты еще не понял? Это и есть теперь наша жизнь, про-

клятие это или дар, но зачем—то же оно нам дано...

– Зачем—то... Знать бы еще зачем.

Глава 15

– Хлоя, мы дома, – закричал Ник с порога, гремя ключами.

– Проходите, у меня тут непримиримая война с лазаньей, – бросила я ему из кухни.

Эта мерзкая тварь срослась с формой для выпечки и отдираться не собиралась. Лучше бы я оставила свои попытки поразить всех своей готовкой и заказала еду навынос.

– Пахнет восхитительно, – прошагав по гостиной, Лин ласково положила руку мне на плечо. – Хотя, выглядит и правда, как жертва боевых действий. Привет, дорогая.

– Привет, Лин, Майк. Наконец вы до нас добрались, – я радушно улыбнулась друзьям и Нику. – А где двойняшки?

– Ооо, мама Лин приехала погостить. Я, конечно, не в восторге от затяжных визитов любимой тещеньки, но зато мы наконец можем почувствовать себя кем—то еще помимо родителей, – Майк развалился на диване в гостиной, по—хозяйски щелкнув пультом телевизора.

– Да ладно тебе, ты и до этого в этих хлопотах не сильно—то руки пачкал, – с усмешкой бросила ему Лин. – Тебе помочь?

– Да, перемешай салат, пожалуйста. Надеюсь, хотя бы он не соорил мне козней, – устало взмолилась я Лин, доставая из холодильника вино.

– Давай открою, – Ник, уже успевший сменить костюм на домашние штаны и футболку, выхватил бутылку из моих рук.

– Ты меня спас, – я чмокнула его в щеку и пошла расставлять бокалы. – Ну что, все готовы отведать моей лазаньи? Правда, вероятнее всего, придется есть ее вместе со стеклянной формой, вы же не против?

– Да брось, во времена студенчества твоими блюдами можно было уничтожить небольшое государство, но все же живы, как видишь, – просмеялась Лин.

– А я про что? Если бы я не был бессмертным, до сих пор бы вызывал священника перед каждым ужином, – слова слетели с губ Ника раньше, чем он успел сообразить, что только что ляпнул.

Я встала как вкопанная, едва не выронив бокал, Ник тоже замер с бутылкой вина в руках. Время будто остановилось, в голове я перебирала миллион вариантов, как мы будем объяснять все нашим друзьям, и как все вместе потом бодро и весело поедem в психушку.

Как вдруг они оба залились громким смехом, а я наконец выдохнула. Надо как—то поработать над нашей реакцией на такие оплошности: очевидно, что для Майка и Лин это было всего лишь ничего не значащей шуткой.

– Я чувствую то же самое, когда приезжает мама Лин! – бросил Майк, усаживаясь за стол. – Все ее блюда делятся на жирные, очень жирные и жир, плавающий в жиру. После

каждого ее приезда я прямо чувствую приближающийся инфаркт от превышения уровня холестерина в крови.

– Пффф, по тому аппетиту, с которым ты уминаешь ее стряпню, что—то не заметно, что тебя беспокоит смерть от ожирения, – фыркнула Лин, закатив глаза.

Настала наша с Ником очередь залиться громким смехом.

– Лин, так было всю дорогу! Майк всегда причитал как проповедник, когда я поглощал фастфуд, но между тем сам не мог и дня прожить без картошки фри и бургера с тройной котлетой, – отхлебнув глоток из бокала, отшутился Ник.

– Неблагодарные вы, то была дань уважению и поддержке лучшего друга в его слабостях. А теперь я плачу той же монетой моей любимой теще, – возмутился Майк.

Обсуждая работу, детей, новости наших близких друзей, бывшие приключения нашей компании, мы наслаждались ужином. Даже предательская лазанья, не без усилий парней, соизволила покинуть насиженную форму. Прекрасный ужин с нашими друзьями, жизнь будто бы даже возвращалась в свое привычное русло. Мы шутили и смеялись, растворившись в чудесном летнем вечере, наблюдая, как на улице зажигаются фонари. Несмотря на то, что не проходило и часа, чтобы я не думала о произошедшем с нами, и кем мы с Ником теперь являемся... В тот день я об этом даже не вспоминала.

По телевизору, фоном вещающему в гостиной, шли новости. Сквозь обрывки фраз о политике, митингах и эко-

номических кризисах, до нас донесли новости из южной Азии: ужасное наводнение оставило без крова тысячи жителей, сотни пропавших без вести, несмотря на то, что большинство стран направили туда гуманитарную помощь и спасателей, справиться со стихией никак не удавалось.

Словно увидев, как я прислушиваюсь к новостям, Майк сказал:

– Вот я искренне не понимаю, их же каждый год топит – неужели нельзя было хоть раз не надеяться на авось и как следует подготовиться к сезону дождей?

– Не будь таким циником, Майк. Стихия никогда не спрашивает, готовы жители или нет, она всегда застает врасплох, – укоризненно бросила ему Лин.

– Ну да, ну да, никогда такого не было и вот опять. А потом наши налоги идут на то, чтобы восстанавливать страны третьего мира, – ответил Майк, встав из—за стола и усевшись на диван.

– Эти люди не виноваты, что родились в не самой благополучной стране, Майк. И наш человеческий долг им помочь, – я бросила на него свой самый испепеляющий взгляд.

– Не пойми меня неправильно, Хлоя, но толку от нашей помощи ноль: пока дожди не отступят, все наши усилия тщетны. И я даже ничего не буду говорить о том, что как минимум с десятков миллиардеров из списка Форбс как раз из этой страны. Могли бы и сами скинуться на спасение своих сограждан, а не отсиживаться во дворцах, о которых мы и

мечтать не смеем, – Майк переключил канал на бейсбольный матч, подвинувшись, уступая место на диване Нику.

– Дорвись ты однажды до власти, сидел бы как Скрудждж Мак Дак на своем золоте, – попытался разрядить обстановку Ник.

– Считать деньги – моя работа, и с ней я отлично справляюсь, – не упустив возможности похвалиться своими успехами, просиял в ответ Майк. Он был блестящим банкиром, а его чутье на движения рынка валют вообще не поддавалось разумным объяснениям.

Парни обсуждали игру и кричали, как самые яростные болельщики при каждом удачном броске, а Лин, усевшись на соседний стул, заговорщицки улыбнулась и прошептала:

– Ну как у вас дела?

– В каком плане?

– Нууу, Эми мне рассказала мне про ваш поход к доктору Дженкенсу. Говорят, он творит чудеса. Надеюсь, это не было большой тайной?

– Нет, не было. Но, отвечая на твой вопрос: дела у нас никак. Так что доктор Дженкенс никакой не гений, обычный врач. Как и все развел руками, сказав, что он бессилен, – я опустила глаза в пол. Ни к чему ей знать причины нашего недуга...

– Знаешь, у моей троюродной сестры ведь тоже были проблемы. И она обратилась к одному очень хорошему репродуктологу, могу узнать у нее контакты? Чем черт не шутит,

может, он и вам поможет, — Лин осторожно подняла мое лицо, оторвав от разглядывания паркета, и улыбнулась.

— Да нет, не стоит. Мы просто забили и все, — я улыбнулась своей подруге, надеясь, что она не будет продолжать эту тему. Не на ту напала.

— Хлоя, я знаю, что ты отъявленный фаталист, но, если не искать пути, проблема сама по себе не решится. Ты ведь станешь прекрасной матерью, я уверена, дети в тебе души не чают. Давай я прямо сейчас позвоню сестре, а там уже сама решай?

— Лин, спасибо, не нужно. Я правда все это отпустила. Не всем же в этом мире суждено нянчить детишек. Если мне захочется поиграть в дочки—матери, у меня всегда есть вы, — тихо пробормотала я, надеясь, что парни, увлеченные матчем по телевизору, нас не слышат.

— Да брось. Да, порой я жалею, что на меня дети свалились тогда, когда я этого вообще не планировала... Но теперь я вообще не представляю, как жила без Бекки и Джо раньше. И никакие племянники, крестники, и даже дети самых лучших друзей, которые растут на твоих глазах, этого не заменят, — сказав это словно тост, Лин чокнулась со мной бокалом.

— Я много думала об этом. И, может быть, моя цель в жизни — стать кем—то другим, найти себя в другой области? Люди живут и без детей и прекрасно себя чувствуют.

— Только не говори, что Ник с этой точкой зрения согласен, — закатив глаза, прошептала Лин.

– Ты моя подруга или мать—настоятельница? Давай уже оставим эту тему. Мы с Ником достаточно взрослые, чтобы самим во всем разобраться, – а, точнее, уже разобрались. И теперь, мне кажется, я еще больше уверилась в правильности своего решения.

Трудно было сказать, что на это повлияло. То ли примирение с той мыслью, что родителями нам никогда не стать, то ли четкое осознание того, что в конечном итоге это стремление отчасти было вызвано желанием поспеть за общепринятыми устоями, то ли что—то еще. Я вдруг осознала, что по факту никогда не делала целью своей жизни раз и навсегда лишиться своей свободы, став единственным шансом выжить для маленького человека. То есть я, конечно, была готова помочь тем, кто во мне нуждается, но во мне укоренилось понимание, что мне не дать даже и половины той мудрости, что передали мне мои родители. Сейчас мне уже больше лет, чем им, когда мой старший брат появился на свет, но какое—то странное ощущение того, что я еще не созрела, что я недостаточно хороша для роли матери, не давало покоя. словно все мои стремления и спешка были построены только на ожиданиях общества, желании соответствовать общепринятым нормам и быть, как все. Быть может, все эти оправдания – всего лишь мои попытки справиться с утратой надежды, но, по крайней мере, так было гораздо проще.

Лин с Майком уехали ближе к полуночи, и, несмотря на то, что вечер прошел прекрасно, остался какой—то осадок

на душе. Я как—то упустила тот момент, когда обычная рутина мне постыла. Мне было грех жаловаться, у нас было все: семья, друзья, карьера, дом, деньги. Но почему—то все стало казаться таким мелким, убогим... Раньше у меня даже сомнений не возникало, что, зная, что жизнь так хрупка и недолговечна, я не трачу время впустую, беру все от момента. Но теперь мой прежний образ жизни стал мне противен, будто постоянно напоминая, что каждая секунда ускользает как песок сквозь пальцы. И этот разговор о таких обыденных вещах с Лин и Майком снова вернул меня в реальность.

Успех измеряется тем, сколько квадратов в твоей жилплощади, как часто и дорого ты летаешь в отпуск, какого года выпуска у тебя машина и скольких детей ты можешь поставить на ноги. Все. Никаких стремлений к большему, к новым открытиям, подвигам, желания оставить свой след в истории. И, наверное, в этом нет ничего плохого: благо, мы живем в более или менее мирное время, у нас развита медицина, а за чистую воду не надо сражаться в смертном бою. Цинично было бы говорить, что это плохо. Плохо, что так живут далеко не все. И большинству людей и правда нет дела до чужих бед, каждый живет по принципу — моя хата с краю. А между тем, мы потихоньку разрушаем наш мир: засираем океаны, отравляем землю, губим природу ежедневно. Я уже не говорю о миллионах людей, которые гибнут в никому не нужных военных конфликтах, выгодных только кучке правителей, для которых люди — не больше, чем расходный

материал. И, пока такие благополучные страны и семьи, как наши, не коснулись последствия этого надвигающегося апокалипсиса, никто и пальцем не шевельнет. Вот только может быть уже поздно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.